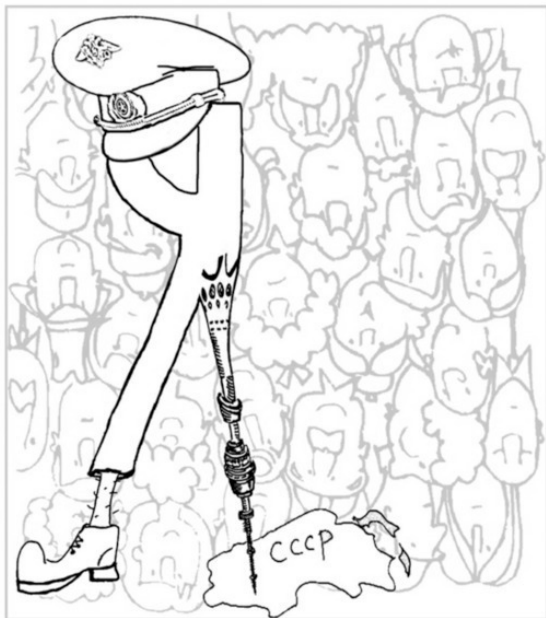

ИВ ИВАНКО

Я Идиот

Ив Иванко Я Идиот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23140709

ISBN 9785448381584

Аннотация

Книга составлена из отдельных мыслей, но каждая из них отражает систему мировоззрения автора. Тут нет вопросов «Что делать?», «Кто виноват?» Зато есть ответы, «Что не делать?»: если человек порядочный, то вот этого именно делать нельзя. И это «нельзя» складывается из простых жизненных мелочей, образующих в свою очередь фундамент классической нравственности. Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

Уважаемый читатель	6
Кратенько	8
О себе	9
О написанном	10
О женщинах	11
О многом другом	12
О друзьях товарищах	13
К читателю	14
От всей души	15
Вещие сны	17
Ложь	19
Письмо	26
Коридор времени	31
Любимая моя!	35
Не смею назваться твоим	36
Она	38
Там, где растут деревья	42
Трое	44
Окна	46
Деревья	47
Звезда надежды	49
Просто так. Из окна поезда	52
Дворник	54

Другая мера
Конец ознакомительного фрагмента.

62

65

Я Идиот

Ив Иванко

Иллюстратор Ив Иванко

© Ив Иванко, 2017

© Ив Иванко, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8158-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иногда читаю себя через время, и думаю: – это кто?

А в целом, я так красиво пишу, что хочется въехать лицом в текст, чего-то там понять, разобраться... Хотя, это можно объяснить и недостатками в развитии.

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero

Уважаемый читатель

Никогда не читаю предисловий. Что в них? Хорошего никто не наобещает. Это же не свадьба-женитьба! Да, и там всё врут.

Складная и красивая жизнь запросто может превратиться в неразбериху, полную неразрешимых неприятностей. Судьба ежедневно предлагает искушение выбрать одно из двух: путь правды, не сулящий скорого обжорства радостями, или другой. Который включает все возможные остальные. И никакое словоблудие этого выбора не изменит. Очень хочется приукрасить этот второй путь. Он лёгкий и сам ведёт по дороге проступков, пустых увеселений, скорых оправданий и неизбежной горечи. Если останется время и способность увидеть, как пустота вытеснила из, Богом данной жизни, – всё. Веселее и спокойнее – не видеть. Для этого наполняем жизнь суетой. Для себя именуем это оч. важными делами, создаём ярлыки, имиджи и прочую дребедень.

Это строительство вавилонских башен опасно увлекает и помогает обманывать себя каждый божий день. Ложное величие и неуместные усилия просят вывода: ну ведь не рушится!?! – значит правильно всё?! НЕТ! Она просто ещё не рушится. Просто, провидение даёт шанс одуматься.

И каждый раз – он последний.

Да ладно! Не беспокойтесь. Я – идиот. (сокращённое «иди отсюда»). А может и по-другому. Хочется чего-нибудь весёленького, что-ли. Тру-ля-ля, тррру-ля-ля... И поплясать. Или, как-там у Брамса: трулюлюм, трулллюлюм... Трах!

У У
У Уалко

Кратенько

О себе

Родился 10.08.1952. Вроде, неплохо получилось. Остальное время потратил весьма неразборчиво. Глупо. Но, жалко.

О написанном

Иногда читаю себя через время, и думаю: – это кто? А в целом, я так красиво пишу, что хочется въехать лицом в текст, чего-то там понять, разобраться... Хотя, это можно объяснить и недостатками в развитии.

О женщинах

Я не голубой. Я – дезертир. Дезертировал с этого фронта. Побеждать женщин не хочу, да это и невозможно. А соревноваться с ними в симуляции неинтересно. Хотя, они таки-иее... Ну, короче, понимаете.

О многом другом

Знаю маловато. Надеюсь на везение. Вдруг узнаю чего-нибудь такое.

О друзьях товарищах

Друзья есть. А товарищи, это же еще и обращение. Обращаюсь...

К читателю

Многоуважаемому, но малочисленному:

– Уважаемый читатель, читайте! Это помогает!

От всей души

Кого благодарю – знают. Кого нет – догадываются.

Короче, спасибо всем, за то, что терпите меня все эти годы!

«ПРИСНИЛАСЬ МНЕ...»

(из будущего не опубликованного)

...В иллюминаторе редкие, бледно-синие фонари, расплывались цепочками улиц. И ничего не освещали...

Лайнер чертил круг консолью крыла. Резал тонкую облачную рвань, под которой угадывался город...

* * *

...Буря нападала на титанические деревья. Лес шумел, вторгаясь в световые границы моей террасы. Могучие кроны раскачивались во мраке южной ночи. Там, лесных беспределах что-то происходило, таилось... Чудилось. Стоило выключить свет... Кто-то большой тяжело вздохнул и затрещал ветвями. Продирался. Кто? Куда? Воображение могло бы

подсказать, но нет. Взял фонарь. Это теленок с мамой, коро-
вой...

Вещие сны

Записки эти передал мне один полужнакомец. Сказал, от человека, которого я навещал в больнице, что он ушёл и не вернётся. Долго копался в памяти. Было. Меня, как специалиста по белой магии, приглашали к нескольким странным больным. Кажется, тогда я помог ему. Теперь не знаю точно...

Пытался разложить записки по порядку. Ничего не вышло. Пусть будет, как есть.

* * *

Я знал, что другой мир есть! Это его свет и присутствие заставляет нас жить в самых отчаянных ситуациях. Я знаю. Был там. Это мир чудес, радостного ожидания счастья, счастливого продолжения и надежд – он здесь, совсем рядом. Проходя мимо него, мы боимся прямого и честного призыва. Жалко тяжёлых дней, жалко побеждённых неприятностей и нелёгких надежд. Но ведь это так просто: взглянуть в глаза своему счастью, своей новой судьбе.

Как я и предполагал, рассказать будет некому. Пишу без надежды, скорее для памяти. Хотя там не нужно ничего. Мы с Матиасом ушли. Дороги никто не знает более.

Ложь

Поскольку встретиться не представляется возможным, попробую изложить на бумаге. В успехе сомневаюсь, настолько все фантастично. Подтвердить некому. Вероятно, скоро и рассказывать будет... Молчу. Быстрее, только факты.

Вскоре после повторного прилета в страну, измученный неразрешимыми проблемами, опять попал в больницу. Клиническая смерть по причине полного отказа печени. Медицинских формулировок не привожу, они оказались загадкой и для специалистов. Все были в смятении: двадцать один день без признаков жизни при полной дееспособности организма...

Когда подсоединили аппарат искусственного жизнеобеспечения, я был уже далеко. Это был наш мир, тот мир, где я встретил тебя. Не помню ни облегчения, ни радости. Тела не было. Знал, что оно есть, но не видел. То, что можно назвать домами, было без окон и дверей с куполообразным верхом. Улицы нормальные, мощеные огромными, вроде, каменными плитами. Боже, кто поверит, ведь на одной из этих улиц я встретил тебя... В одном из помещений меня окружили люди. Да, внешне, как мы, только спортивные

костюмы на них кажутся дутыми и через плоть иногда проглядывают предметы. Если это плоть, правда, когда держали меня, чувствовал твердое. Чем чувствовал?! Кого?! Бред да? Но факты. Говорил ли я? Своего голоса не помню, но их, удивительно ровные и добрые голоса не забуду:

– Мы решили помочь тебе.

– Тогда лечите, у меня мало времени.

– Ты не болен.

– ???

– На земле два типа людей. Одни забирают чужую энергию и живут ею. Другие дарят свою энергию по собственному выбору и живут этим. Твою энергию забрали. Обманом. Ты не можешь ее подарить. Поэтому ты не живешь.

– Не могу подарить этой женщине?

– Да этой. Она была у нас. Вы из одного мира. Но мы не вмешиваемся в земные дела.

– Что мне делать?

– Пойдешь к человеку, по земному, к колдуну. Любому. Не торопись. Ты опоздал. Вы будете встречаться в других жизнях.

– Мне не нужна другая. Оставьте меня здесь.

– Твое время не пришло...

Я метался на рваных окровавленных простынях, вырвав все идиотские трубки. Потом, связанный, орал от безысходности. Я хотел, надеялся догнать время. Кому я мог рассказать. От безумности ситуации мутился рассудок. На врачей зла не держу. Как они могли выпустить, по их понятиям, почти мертвеца?

Через время был у колдуньи. Да, да у той самой старухи с платком. Она встретила меня кивком и с порога объявила, что делать. Без удивления, выполнив указания, на следующий день нашел себя здоровым. Но что это была за находка? Я узнал, что потерял тебя, смысл моей жизни. Теперь мне нет здесь места, а там не пришло время. А что для меня время. Даже если рассвет поменяется местами с закатом – не замечу. Свет, ведь это для тех, кто хочет есть. Тому, кто наелся досыта, свет не нужен.

Интересно, крадущие чужое счастье, цену ему знают? По-

торговались бы. А?

Никогда не думал, что буду втянут в цепь мистических событий. Между тем, не сознавая того, давно стал участником этого мучительного круговорота. Началось это, когда она появилась на Земле. Я нарисовал её портрет. Сразу. Раньше никогда не рисовал. Вдруг стал срисовывать портрет женщины. Но вышло совсем другое. Запечатлел лицо, которое стало воплощением всего самого светлого и дорогого. Удивительно, как этот рисунок сохранился столько лет. Встретились мы только спустя четверть века. Столько было переездов и разных передраг, где терялись вещи и более значительные. Я же не знал, кого изобразило провидение моей рукой.

Мы жили в одном городе, ходили по одним улицам, дышали одним воздухом. Надо было истратить двадцать пять лет, чтобы наши миры встретились. Жутко подумать: мы могли потеряться в бездне времён и вселенных. Объяснить это могу только я. Они знают: я не воспользуюсь информацией. Та, о которой я знаю всё, не принадлежит мне более.

Уже в первую нашу встречу я знал, что она для меня. И, как мне казалось, благородно заявил ей, что никаких прав на нашу любовь не имею и, что она может оставить меня в любой, нужный ей момент. Хотя сердцу хотелось обратного. Хотелось привязать её к себе намертво, чтобы шевель-

нуться не могла, чтобы избежать ошибок. Знал, что они будут, пытался уберечь. Она говорила: «Как я жила без тебя всё это время?» Теперь, я знаю как...

Там, вблизи центра Земли, знают всё и про всех. У колдунов своя сеть и узнать могут почти всё. Не попасть бы только на нечистую. Как я. Почему колдуны не предупреждают, не помогают: это делай, это не делай? Для людей нельзя – они должны делать и ошибаться. Для людей есть законы: это можно, это нельзя. Их нарушают и это жизнь. Мне удалось приоткрыть завесу, но только по несчастью. Теперь знаю – многое можно не делать совсем. Но это знание дано мне потому, что делать ничего этого я уже и не буду. Оружие можно доверить в двух случаях: когда оно не дееспособно или когда окружающее не может быть целью. Для меня многое, что трогательно ограждено запретами, уже не цель...

Через неделю после исцеления, я уже знал, что у неё есть кто-то. Они не будут жить вместе. Не будут счастливы. Тогда же, у колдуньи, я спросил: "Что делать? – Ничего, – был ответ. Ты не сможешь им помешать. И она рассказала всё, не называя имён. Боже, сколько я теперь знаю. Но зачем это? Старуха сказала, что он для неё никакой. Ни плохой, ни хороший. Она для него – женщина в общем ряду, других. На её месте могла быть любая другая, похожая. Ему многое не нравится, но он мирится. Она тоже любит не его. Я открыл ей

нашу любовь, и в поле любви попал он. Она любит его моей любовью. Им будет плохо, когда почувствуют, а потом поймут это. Но ещё долго будут обманывать себя и друг друга.

Видел картины с изображением незрячих людей. Не слепых. Этим видно по осторожности и чуткости позы... Незрячих изобразить сложно, но у нескольких авторов есть. Спокойствие и равнодушие их лиц говорит об уверенности. У незрячих нет повода усомниться. Не видя ямы – смело ступают в неё.

Весь кошмар в том, что я это знаю точно. Старая перечница даже срок назвала. Я думал, будет противно жить, зная кое-что наперёд. Потом понял: надо просто ждать.

Вспоминаю себя там, в больнице. Я не смел сообщить ей о себе. Зная, что обречён. Но в наркотическом бреде, между сном и явью, как мне хотелось чуда, чтобы вдруг она нашла меня там... Каждый силуэт с короткой стрижкой встречал с испугом и надеждой. Она знала, у кого спросить. Теперь ей не скажут ничего. Не оставляет мысль: случись такое – я бы весь мир перевернул, но её нашёл. Хотя бы спросить. Она говорила: " Как же я жила без тебя? » Теперь я знаю как.

Письмо

Извини, что беспокою. Пожалуйста, прочти. Ничего страшного. Тем более, что тебе все равно. И тем более, что каждый имеет право знать правду. Полуправда не помогает, даже если используется в благородных целях. Я пытался сделать это и вот, что вышло.

Да. Если я что-то не договаривал то только потому, что пытался уберечь тебя, мою любовь. С самой первой встречи я мог и хотел предложить тебе руку и сердце, но я не знал точно, когда это будет. Боялся обмануть тебя. Знал, что ты единственная. Не боится тот, кто этого не знает и тот, кто не знает чего стоит ложь. Я должен был выполнить обязательства перед семьей и не хотел, чтобы эта непосильная работа отразилась на тебе. Тогда многое свалилось на меня: смерть близких, капризы семьи, моя бедная мама, которой я ничего не мог объяснить... Что я мог объяснить, когда сам толком не знал. Знал только, что люблю тебя.

Что повредило больше? Не знаю. Может моя болезнь там? Когда попал в больницу, мог позвонить тебе. Но что сказать? Болен и имею огромный долг? Побоялся. Кому нужен больной? Боялся ожидания; что оно принесет?

Наконец все закончилось. Смог вернуться. Вернулся. Закончил дела совсем. Я возвращался только к тебе. Больше у меня уже не было ничего. И вдруг оказалось: ты меня не ждала... Решила: уехал на совсем. Какая поднялась в душе смута. Не верила, что вернусь. Не верила ни одному моему слову. Так кто я тогда? За кого ты меня принимала? За кого-то другого, только не за того, какой вернулся. А приехал я на совсем.

Мог не возвращаться туда. Да и некуда было. Никто там не ждал. Даже документа на въезд в ту страну не было. И долг за больницу можно было не отдавать. Только и здесь меня не ждали. Началась паника: что делать? Надо все обдумать. Денег не было. Сказать тебе – стыдно. Продать дом – надо время. Да и думал, нам с тобой пригодится. Мама требовала объяснений, болела и мучила меня. Боялась за меня. Видела, что я на грани, не знала почему. Предложить руку и сердце тебе, моей любимой, которая не верила мне и не ждала? Что делать? Искал себе разные дела и предлоги, но главного не знал: что делать? Как поговорить с тобой, как выплыть на чистую воду, за которую боролся все время. А что ты мне говорила в это время? Ты вспомни: " Мне нужен ребенок, но ты не бойся, не от тебя...? » Какая-то галиматья творилась. Разобраться просто не мог. Не мог каждый день объясняться с больной матерью, думать о ребенке, который должен быть, почему-то не от меня, о нашей будущей семье, ко-

торая может стать очередным обманом. Ничего лучше не нашел. Вымолил разрешение у консула. Уехал. Боже, что ты говорила мне в последнюю ночь?! Сколько раз вспоминал. А ты хоть помнишь?

Пришел в себя только в аэропорту этой далекой, роковой страны. Хотелось все обдумать. А может, этот отъезд и был самым необдуманым? Что я мог объяснить тебе отсюда? Денег нет, ехать некуда, жить негде. После регистрации в аэропорту сразу выплыл мой огромный долг. Звонить тебе, кричать караул? Таких денег никто и никогда не собрал бы. Да и для кого? Звонить тебе? Как я мог по телефону объяснить то, что ты не хотела понять здесь? Еще боялся. До дрожи боялся потерять тебя, и чувствовал, что теряю. День за днем перебирал нашу короткую жизнь. Хотел понять что-то необъяснимое. Что не смог объяснить тебе. Может, это крылось в моей прошлой жизни. На каждом полустанке, каждой вынужденной остановке кто-нибудь хотел сесть в поезд моей жизни, не понимая, что я остановился, просто обессилев, а не в поисках попутчика. Я знал, что мой спутник далеко, очень далеко. Может быть не здесь, не в этом времени. Имея образ в сердце, искал только его. И если кому-то было тепло рядом со мной, я не виноват. Мое сердце горит только для моей единственной.

Как-то живут другие люди. Трудно, легко ли? Ради чего

они здесь, на этой Земле? Чего они хотят, чужие друг – другу?

У меня был родной человек, который тоже чего-то хотел. Не мог только понять: я и так отдаю все. Забирай. Жаль, не все можно сказать. Но кое-что нужно и чувствовать. Сердцем. Если оно есть.

Потом я был у старухи-колдуньи. Старая карга, на каком-то платке, рассказала мне все. Не назвала только имен. А зачем они теперь? Чьи они?

Там же я познакомился с Матиасом. Длинный, нескладный колумбиец носил на лице маску печали, и тем не менее был красив и загадочен. Врачи приписывали ему какие-то психические расстройства. В том, что это не так, я вскоре убедился. Из наших бесед, я вывел догадку, что он тоже попал в лапы нечистой;. На прямой вопрос он ответил утвердительно. Затем поведал мне кое-что.

Коридор времени

Его несчастье было очень похоже на моё. Стараниями нечистой он лишился возлюбленной. Тогда многие решили, что рассудок его померк. Его укладывали в лечебницы. Однако он не был чокнутым. Колдунья нагадала ему ждать три года. Он не собирался умирать. Но и жить тоже не хотел. Он ждал.

Часто говорят: «Слабый человек. Не выдержал». А что мера силы? Если положить на человека сто килограмм и он выдержал, скажут: «Молодец, сильный!» А если сто тонн – и подох? Сильный или слабый? Кто же выдержит непомерный груз? Если нечестивость и предательство для меня непомерный груз – я кто? Сильный или слабый? А для него, тоже самое – норма жизни. Кто он: сильный, слабый или кто-то третий?

Потерял любимую и помешался. Слабый, да? Одному поменять любовь, легче чем плюнуть, для другого она ценнее жизни. Кто есть кто? Не знаю. Но для меня клумба без цветов – клочок грязи, поросший бурьяном.

Матиас хотел только ждать. Тогда он и узнал про коридор времени. Он был там один раз и теперь хотел уйти навсегда.

Я годился ему в попутчики по всем статьям.

Для всех, кто попадает в коридор времени, каждое ожидание длится один день. Сколько бы ты там не был – ощутишь это, как один день. Без радостей и волнений, без горя и былых болей. Но один день.

Мы вышли на исходе дня, не прихватив с собой ничего кроме воды. Матиас говорил, что попасть туда могут только те, кто решился. Поэтому уходят в основном по двое. Если больше – трудно быть уверенным. Во мне он был уверен. Видел, как я мучался там, и знал от чего.

Мы шли в горы. Матиас говорил о каком-то холме, на который должны подняться до восхода Луны. Я молчал. Луна давно освещала наш путь. Вершина холма оказалась плоской. Он был совсем неприметный, с редкими деревьями и ощущением беспричинного беспокойства. Матиас оглянулся, собираясь сесть на камень: "Надо ждать» Увидел мой немой вопрос: «Ждать второй Луны?» Но Матиас, Луны не бывает две... – Увидишь.

Мы ничего не увидели. Ходили туда три ночи подряд. Я боялся, что Матиас перестанет верить мне. И ещё – боялся потерять веру в его рассказ.

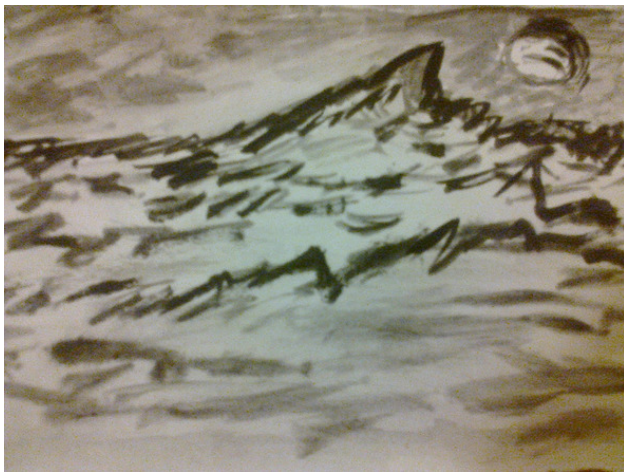
На четвёртую ночь всё было, как прежде, только Матиас не смотрел на меня. Почти. Вдруг пахнул ветер. Влажный, с запахом свежей зелени и цветов, полный призыва и обещания. Вышла Луна. Теперь их было две. Вторая шла быстро. Матиас встал и пошёл. Надо идти за Луной. И всё.

Сколько шли не помню. Луна зашла. Остался серый ровный свет. Шевелился влажный, полный луговых запахов, тёплый воздух. Будто мы погрузились на самое дно океана времени. Сверху наваливалось, придавливало, как искупительный сон, чувство бесконечного покоя и умиротворённости. Щемящая тоска уходила в густые травы. Размытый горизонт предлагал безвременье. Мы пришли. Лицо Матиаса не выражало ничего. «Ты возвратишься, когда увидишь Луну. Пойдёшь за ней. Мне пора» – Он ушёл. Растворился за серым горизонтом времени.

Что там было и сколько – не помню. Скорее было ничто или ничего. Не знаю, как назвать. Пришла Луна, и я вышел к холму. Оказывается, Луну видит тот, кому назначено. Не без труда сориентировался и вскоре за перевалом, увидел огни города. Я шёл, но мне не хотелось туда. Что стану делать, сколько времени прошло, есть ли там кто-нибудь и кто??? Вопросы крутились не находя ответов. Надо ли искать их?

В больницу я не вернулся. Оказалось, прошёл ровно год. Старый марокканец взял меня охранять апельсины. Как-то давно я работал у него. Теперь всё казалось очень давно. Сейчас нужно только одно: найти, заработать денег на билет и улететь туда, к ней. Срочно. Колдунья, та с платком, говорила, что я опоздал. Но ведь прошёл срок. Того, что было не выбросишь. Всё слито в единую вереницу событий. И даже если произвольно называть что-то ложью, вымыслом, правдой – всё это моя жизнь. А я пока здесь.

Интересно, почему она не называет имён?

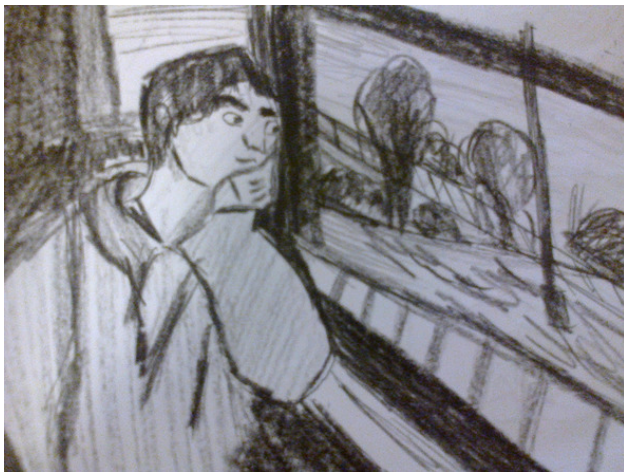
Любимая моя!

Дорогая моя! Счастье мое, ты свет, ты весь мир. Вся земля – это ты. Но даже Земля, она такая маленькая, по сравнению с твоими глазами. Как прекрасны твои глаза, любимая моя. Я смотрю в них и вижу другой огромный мир. Равного ему нет в целом свете. Красивая моя, этот твой мир я отыскал там, на далеких звездных путях. Ты ведь бываешь на других планетах, правда?.. Я видел тебя там. Давно-давно, любовь моя. Как трудно было отыскать тебя здесь, на этой Земле. Как много было преград. Я боролся и умирал много раз. Я выжил любимая, жизнь моя. Снова могу жить в нашем прекрасном мире среди цветов и улыбок, детского смеха и светлых слез. Там праздник каждый день, потому что там есть ты, Только ты. Единственная. Без тебя там темно. Холод запустения и нечем дышать. Незачем.

Любимая! Снизойди! Все миры соберу к ногам твоим. Нет непосильного мне, когда ты рядом. Возьми мой мир. Он прекрасен, когда ты освещаешь его. Возьми мою жизнь, позволь быть твоим до конца моих сил, чтобы видеть тебя, ловить каждый жест, исполнять малейшее желание. Только пожелай.

Не смею назваться твоим

Не покидает ощущение, что на далеком звездном полустанке, в окне встречного скорого, я увидел любимое до боли дорогое лицо. Через мгновение курьерские поезда времени со скоростью света разлетятся в разные концы вселенной... Неотвратимость происходящего сводит с ума. Но даже если взорвать весь мир – равнодушное время продолжит свой холодный расчет с живущими.

Покорнейше Вас прошу
Простить за отнятое время
Ее о прощении не молю.

He proctum.

Она

Наверное, того, что ушло, не вернуть. Правда, так же, что в произошедшем, всегда и первым среди виновных считаю себя. Прямо, как в суде.

Конечно не только я. Но никаких оправданий не хочется. На душе пусто, как в спортзале. Беги куда хочешь. Только никуда не прибежишь, да и здороветь поздно.

Как же так получается? Единственное, что следовало сберечь – не уберег... А хотел. Усилия прилагал, старался. Слово-то какое: ста-рал-ся. Как в первом классе. Аксиома: «Когда стараешься всегда получается чепуха.» Особенно в первом классе. А Она – это и есть тот первый класс. Всегда первый.

Разбиваются обычно самые дорогие сердцу вазы. К другим не подходишь, а к этим – с особенной осторожностью... Вот и разбилось. Все разбилось. В мелкие дребезги. И никто не поверит. Нет, не в мою невинность. Не поверит, что берег.

Вот и грохнулось все. И холодно стало, как в космосе.

Люди боятся одиночества и от этого сбиваются в стаи-семьи. И живут эти, чужие друг другу люди, зад к заду, нос к носу, и думают, что не одиноки. Шалишь брат. Просто в стае теряют себя. Подменяя, оправдывая и запутывая, меняют себя на быт, на уют, на постоянство... На весь этот гроб с музыкой. А ведь каждый человек – это огромный мир. Это больше чем вся Земля, чем Вселенная. В нем бездна жизней и миллионы лет, холод бесконечности и тепло светил, и любовь всего сущего. И нет у Нее границ – размеров. Жаль.

Жаль изведать это можно, только потеряв. И опустеет все вдруг, будто обокрали весь свет дочиста, и не осталось ничего.

Только долги, долги, долги...

А ведь долги не выбирают маленьких сердец, не оставляют следов на жестокосердных. Для них есть место только на большом сердце.

И прилипают долги, и вырастают, и губят, как дурная опухоль. И отдавая, их рвешь с мясом.

А Она? Ее ждут все. Прямо зал ожидания какой-то. Но она не приходит за плату. Даже, если платишь временем. Она просто приходит. Лишь стоит Ей робко постучаться,

как двери уютных квартир захлопываются намертво, оставив на память глоток душного воздуха. Да, квартирные мои владельцы, двери-то не от лихих людей. Не бойтесь, Ее Величество не нарушит убогий покой ваш.

Так и встретились израненное сердце и Она. И улица была их домом, и согревала надежда, и звезды согласно мигали им, узаконивая то, что судить не дано никому.

Что лучше: беззаботное веселье и неожиданная гадость, или ожидание гадостей без всякого веселья? Вероятно и то, и другое одинаково паршиво. Зная, что придут неприятности неохота веселиться. Холод этого ожидания способен заморозить всех. Но они согревали друг – друга. Ведь их было двое: израненное сердце и Она. Правда, тучки пробегали, но они старались. И холод отступал, Но как-то нехотя. Ждал случая... И случай пришел.

Ведь когда стараешься всегда что-нибудь случиться.

Оставшись одна под гипнозом холода, Она поблекла, погасла, растворилась в сером мире каждодневья.

Теперь здесь опять спокойно и весело. В душных и сытых квартирах можно не закрывать дверей. Им бояться нечего. К ним не постучится Любовь, Она ушла. Навсегда.

*Вероятно, я насмешил Вас. Так смейтесь, и пусть Гос-
подь укрепит Ваши силы.*

Там, где растут деревья

«...с одной стороны море, с другой – Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синее в дали? Мать ли моя сидит перед окном?»

Н. В. Гоголь

Мое окно выходит во двор. Но из него видна и часть улицы. Часто, и кажется беспричинно, подхожу к нему. Деревья, посаженные моими друзьями, давно стали большими. Многих, кто ходил по этой улице, уже не увидеть здесь. Что же тянет к окну? Что я пытаюсь увидеть там, за горизонтом? Как в окне дальнего скорого мелькают полустанки времен. Видимо здесь осознаешь, что поезд идет только в одну сторону. Сколько же я проехал, почему не тащусь в товарном, что за цель впереди? Зачем я так спешу, зависит ли это от меня хоть как-нибудь? Ведь все, что ушло через это окно, было моим?

Трое

Любовь это всегда трое. Когда она приходит в скучную компанию двоих – мир сотворяется вновь. Вещи и действия меняют смысл, мысли теряют оттенок разума и все вместе обретает новое предназначение. Теперь они, трое – центр вселенной!

Когда кто-нибудь из троих уходит – пропадают все. Огромный мир, в котором теперь никого нет, становится безлик и пуст. Все получает сбою изначальную стоимость. Жалкую. Но даже после этой катастрофы, у потерявших третьего, навсегда остается тот, кого любил, или сама Любовь.

Тем, кто не бывал в этой святой компании, нечего вспомнить. Возвращаясь с работы, они идут домой, но не к любимой. В магазинах они покупают вещи, не освященные радостью. Да и вся их жизнь напоминает вещевой склад, общая стоимость которого занесена в амбарную книгу.

Довольно! Прочь со склада вещей! И не надо уютной уверенности в затхлом завтра, долой, нависающую над головой крышу, под которой прячется дом-ловушка. Скорей, на волю, втроем затеряться в просторах. Там, где зажигается полоска рассвета, где небо синеет, умытое дождями. Дождями,

непохожими на слезы.

Окна

Я стою под окнами. Их теплый свет идет из моего прошлого. Хорошего. Оно было там и ушло. А окна остались. Как замечательно, что есть окна, под которыми хочется стоять. Их свет рождает надежду. И даже когда они темны, хочется надеяться. До того хочется, что готов надежду спутать с реальностью. Только серое утро придает миру будничные очертания, уныло заталкивая в день, где в кругу нелепых забот окна любимой теряют волшебную власть над рассудком и не обещают уже ничего...

Я не люблю утро. С его приходом все ночные надежды разбиваются, как просьбы бедняка о твердый чиновничий лоб. Так пусть будет ночь! Ночь надежд. Как она хороша, Почему-то непременно южная, тропическая. Черная, с огромными звездами, звучащей музыкой и ощущением невосполнимой утраты. Потому, что нет возможности поделиться с той, для которой сберег весь этот мир в своем, заходящемся от тоски, сердце.

Деревья

Я не люблю утро. На то есть свои причины. Зато я знаю, как обмануть себя. Если встать очень рано, когда рассвет еще только задумывается над восходом, то весь последующий день кажется только продолжением вчерашнего. Хорошего или плохого, но вчера. Если как следует подумать, это не худший выход. Выглядываю в окно. Моросит. Серо. Дождевая пыль скатывается с листьев и кажется, что сами деревья рождают эти капли.

А посадили деревья мои друзья. В далекие курсантские годы они гостили у меня. Случился субботник, и мы с удовольствием посадили по дереву. Теперь, через много лет, этим деревьям есть о чем рассказать. Только рассказ Володиной черемухи будет жестоко коротким. Он погиб на взлете лет. Загорелся двигатель на большой высоте, и сесть они не успели...

Мне кажется, я знаю, для чего сажают деревья, и почему его черемуха роняет такие крупные капли...

Где-то еще я посадил деревья. Как они там? Идет ли там дождь? Кто на них смотрит?

Звезда надежды

Добрая сказка

Было это так давно, что многое совсем забылось. Может в том и беда. Сказку эту рассказал мне мой дедушка, а я постараюсь вспомнить для тебя.

В одной, богом забытой стране, жил старый, добрый Волшебник. Он был настолько стар, что стал забывать волшебство. Да и колдовать ему было незачем. Единственная звездочка освещала его пустую страну.

Давным-давно люди разбрелись отсюда в поисках лучшей доли. В разных странах нашли они много богатства. Но собирая его, очень увлеклись, и не заметили, как потеряли любовь. Так бывает. И не только в сказках. Люди затосковали. Это всем известно: никто не может жить без любви, даже если он сказочно богат,

В поисках любви несчастные возвращались в родные края, и Волшебник помогал им. Он был очень добрый, а звездочек в небе казалось даже больше, чем потерявших любовь. Волшебник снимал с неба звездочку и зажигал любовь в сердцах страждущих, Это было его счастьем и един-

ственным богатством. Он хотел научить ему всех. Но получив любовь, люди сразу уходили, увлеченные ею. Так тоже бывает. За собственным счастьем не замечают нужды ближнего.

Прошло много времени, а несчастные все приходили и приходили. Потому что каждому хочется получить любовь. Однако ничего нельзя только брать. Ведь если только брать – обязательно придет конец. И он пришел.

Теперь у Волшебника осталась всего одна звездочка. Его. Единственная. Но опять пришли несчастные и он достал ее. Последнюю. Хотя он и был волшебник, сердце его разрывалось, и звездочка дрожала в руках, как слезинка на ветру, Ведь это была его любовь. А люди? Получив звездочку, они ушли, беззаботно смеясь.

Добрый Волшебник умер сразу. Потому что даже волшебники без любви погибают.

Больше в этой стране никто не живет. Чтобы счастье вновь поселилось там, кто-нибудь должен зажечь звездочку в опустевшем небе.

Сказка получилась немного грустная. Но согласись: кому весело, когда люди рыщут в поисках богатства, забыв лю-

бовь; когда в небе уже не загораются звездочки надежды? А может быть это от того, что мы забыли уроки старого Волшебника?

Если ты что-нибудь понял – будь внимателен к старикам. Это они подарили тебе свою любовь. И тогда, на родной стороне, обязательно загорится звездочка любви.

Будь волшебником. Зажги ее.

Просто так. Из окна поезда

Заклинье – станция.

На станции Батецкая, мордатый кот – хозяин двора, важно пересекает. Стайка цыгано-таджиков поторговала. Ушли. Сложенные рядами в дорожку плиты провалились. Аккуратно покрашенный поребрик, безучастно отвалился. Все было тишь и умиротворение. Не очень старые кирпичные развалины сообщали о недавней жизни. Она здесь была.

Высоко, так высоко, как должно быть солнце, висела половина луны. Солнце слепило глаз откуда-то сбоку. От этого аист, стоящий над крышей избы, казался черным. Везде робкая зелень пыталась прикрыть неуместные картины ущерба, нанесенного человеком. У пустынного разъезда, лишённого даже станционной будки, одиноко торчал сортир. М и Ж. Без дверей.

На станции Дно деревья склонили черные ветви до самой земли. Изогнувшись пригоршнями, они чего-то просили. Чего? Дома, все больше, неприметные. Простые.

От Сущево началось возрождение. Даже аисты на полях занимались делом. Всеобщее запустение вытеснялось на-

стойчивыми следами ремонта и обновления.

Дворник

В Эстонии много небольших городов. Все они оставляют ощущение чистоты и уюта. Один из этих городов я запомнил таким навсегда.

Жили мы тогда в чудесном эстонском городе Н. Язык не поворачивается сказать городишко, хотя и невелик был град. В Н был расквартирован авиационный корпус. Мой отец служил в штабе корпуса. Это и определило место нашего жительства.

Мне очень нравился этот город. Нравилось все. Улицы с неспешным движением, крошечные магазины, куда ходил с мамой, молочные автоматы, которые не могли обманывать и много-много места для детства.

Война кончилась достаточно давно, и уже было тихо. Родители поговаривали о разных событиях, но это было где-то там, в их взрослом мире. Говорили, горит Университет... Вообще в пожарах не было чего-то необычного. Город отапливался, в основном, печками и пожары случались. Однако, когда загорелся Университет, по недомолвкам родителей я понял – это другое, что-то тревожное. Отец стал носить пистолет. Он клал его в карман штатских брюк, но заворачивал

в платок, чтобы не выпирал. Однако подобные события случались редко.

Дни начинались без суеты. Свежий утренний ветерок приносил запах дыма и топленого молока. Близкий железнодорожный вокзал не донимал. Станция была тупиковой, и при-сущих большим узлам неприятностей не было. Неторопливо проезжали редкие автомобили. В сквере, напротив, склонялся кропотливый садовник. Хотелось жить. Впереди был день: игра в войну, походы в дальние уголки сада, рассказы небылиц и зависть.

Да, мы все завидовали соседскому мальчишке-эстонцу. Отец привез ему откуда-то детский автомобиль. Настоящий! С бензиновым мотором, с фарами, сигналом на руле... Мальчик разъезжал на нем по скверу, а мы страдали. Но страдали платонически. Даже теперь, через много лет, своему семилетнему сыну я могу купить что-то подобное только в теории. А это была практика. Критерий, так сказать, истины.

Истины познавались и другим способом. Как-то в школе я украл ручку. Вечное перо было открытым. Мечта! Я, наверное, и не украл. Просто соблазнился. Нас привели на один урок в другой класс, поэтому на партах остались чужие вещи. Мне удалось убедить себя, что ручка ничья, она забыта,

оставлена навсегда. Наверное, можно взять.

Все открылось сразу. Завуч проявила такт и серьезность. Она и мама долго убеждали меня, что я поступил нехорошо. Они были молоды. И завуч и мама. Я чувствовал, что говорят они как-то не так и не то. Но главное вынес. Не свое не бери. Даже если ничье. Даже если очень хочется. Ведь желание это только чувство, а чувство невозможно наполнить вещами.

Может с этого и началось? Не знаю. Но материалистом в век распродажи я так и не стал. Хотя попытки были.

Свое отношение к действительности я ощутил довольно рано. Чувства проявлялись, пробуждались, формировались в непонятном порядке. Формировались – не подходит, потому что чувство справедливости нельзя сформировать, по крайней мере, за какой-то срок. Оно вечно. Наверное, оно просто поселяется и пробуждается или не поселяется и не пробуждается. Один из первых серьезных рассказов, который читала мне мама, и поселил в моей душе это неуживчивое, тревожное, горячехолодное чувство. По сути рассказа в конном соревновании побеждает мальчик-бедняк. Богатей-судья поступает по «справедливости»: «Ты пришел первым. Молодец. Но мой сын был лучше. Поэтому награду, серебряную уздечку, получает он.» От этой липкой, лицемерно в глаза объявляемой «справедливости», становится пусто

и холодно, Будто опять обокрали весь мир, дочиста.

Бестолковый ученик, я так и не воспринял уроков жизни. Сколько раз «отцы» учили меня: «Ты хороший парень, но «серебряную уздечку» получит другой. Безликий или известный, но всегда другой. А потом ты. По порядку. Этот странный порядок я встречал везде. Я ненавижу его, он измордовал мне всю жизнь... Но если уж мне с ним не справиться, то пусть и траурные церемонии происходят в этом подозрительном порядке!

Тогда, маленькому мальчику, мне было все равно: кто из героев богатый, кто бедный и кто положительный. Только тягостное и острое ощущение неизбежной несправедливости, произведенное рассказом, не забылось с годами. Вопреки желанию всю свою жизнь я присутствую на лицемерных действиях по раздаче «серебряных уздечек». И никого уже не устраивает тайное присвоение незаслуженного. Ложь и воровство обналичились, и требуют официальных чествований собственной наглости.

Дом, в котором мы поселились, принадлежал штабу авиационного корпуса. Он был заново покрашен, и в комнатах вкусно пахло масляной краской.

Нам, детям, достались обширные владения. Во-первых,

гаражи. В них можно было играть в войну, прятаться от дождя и взрослых, организовывать штаб. Во-вторых, подвал. Он был темный и длинный. До конца его так никто и не дошел, а потому он служил источником детских небылиц. В-третьих, огромный заброшенный сад с густым разросшимся малинником. Беседка в глубине сада и вовсе казалась таинственной.

Близость железнодорожной станции определила самое интересное занятие: мы ходили провожать паровозы. Вокзал накатывал волной тревожного ожидания далеких странствий. Мечталось, что вагончики, в которых жили станционные рабочие – это города на колесах. В них живут особенные люди. Они всю жизнь в пути. Грезились, почти осязались их будущие разъезды, тихие полустанки и далекие города, непременно похожие на этот, Город нашего детства.

Позже я исколесил полмира, но в каждой точке пространства помнил о городе простых и чистых желаний. Где сны и сказки были такой же реальностью, потому что воспринимались непосредственно и ясно. Почему же все так перекрутилось потом? Почему удавка жалкой, щадящей полуправды, наматываясь и вырастая, все сильнее сдавливает дыхание совести?

А паровозы мылись, заправлялись водой, грузились углем

и сыто отдувались. Эти огромные машины внушали уважение. Машинисты не воспринимались совсем. Казалось, паровозы существуют сами по себе.

Слушать вокзальный гомон, смотреть, как составляются поезда, хотелось до бесконечности. Наверное, я родился с жадной странствий или это следствие постоянных переездов от западной Украины до Сахалина и обратно. Однако, перестук колес, притихшие ночные полустанки, далекие огоньки и кочевая жизнь навсегда остались воплощением счастья и несбывшейся мечтой детства.

Попасть в соседний двор мы никак не могли. Его охранял дворник. Дворник был очень строг и даже на вид жесток. Ходили слухи, что у него есть плетка. Я не боялся дворника. Видимо чувствовал его справедливость. На обожженном лице его глаза выглядели грустными и выразительными, Как у человека, вдруг потерявшего речь. Я думаю, он мог бы наказать нас за что-нибудь плохое. А что, собственно, хорошего мы делали?

Если перебросить камень через крыши гаражей, – как раз попадешь в соседний двор. Что мы и делали. Конкретных целей не было, и это можно было назвать игрой. Многое можно было бы назвать

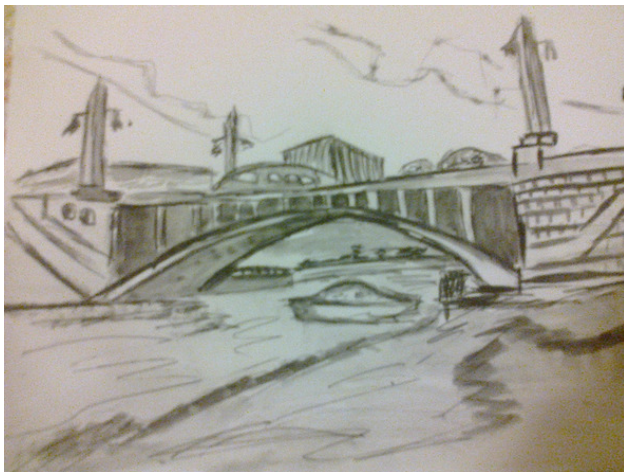
как-то иначе, пригладить, заштриховать, затуманить, забыть...

Дворник подрабатывал. Он ездил на трофейном Опеле с бензопилой и пилил дрова. Опель, пила и сам дворник – все было интересно. Работа шла в нашем дворе. Заказчиком был сосед, полковник. Подошел момент расплаты. Цена была условлена, но тут жена полковника как-то, пакостно, подмигнула и он протянул дворнику только одну бумажку. Дворник обескуражено смотрел на наглый, ухмыляющийся обман. Он медленно собрал пилу, вытер слезы унижения и уехал.

Позже я часто встречал таких «полковников». Их очень просто узнать. Они незаслуженно награждают себя «серебряными уздечками», всех унижают нечестивым дележом, а от их улыбок хочется плевать.

Приближалось лето. Весны не помню никакой. А лето запомнилось ровной теплой погодой, голубым небом с мелкими барашками облаков, кислой антоновкой из дремучего сада и светлой грустью. Мы уезжали. Я уезжал. Откуда, куда, что я понимал, маленький мальчик? С чем прощался? Мимо вагонного окна, как бесконечно дорогой сон, проплывал город детства и я, слишком серьезно для своего возраста, произнес: «Прощай, город».

Спустя много лет я приехал в тот город, ходил по знакомым улицам, вдыхал воздух, пахнувший молоком и дымом. Казалось нужно сделать какое-то усилие, шагнуть в сторону и попадешь в тот далекий и чистый мир, где всегда светит доброе солнце, и паровозы провожают без легкой грусти, никак не связывая с ними уходящее навсегда время. К сожалению, мои опыты закончились ничем, хотя прошлое было где-то мучительно рядом. Если бы вдруг оглянуться быстрее времени...

Другая мера

Заканчивалось лето. Грустно было расставаться с морем, теплом, кипарисами и беззаботными радостями отдыха. Наш прощальный курсантский пикник на берегу, как-то затих. Гитара сама брала что-то грустное. Сидевший невдалеке пожилой мужчина незаметно присоединился к нам, делал свои замечания и выражал интерес к нашей компании. Он напомнил мне учителя труда моих школьных лет, – скромного, подтянутого фронтовика. Ученики, подтрунивая над ним, часто просили рассказать про войну. Просьбы были шутивными, но слушали по-настоящему. Я сказал об этом новому

знакомцу. Он утвердительно покачал седой головой, и возразил, что вероятно, всё его поколение, так или иначе – фронтовики, военные. Ну, в общем, герои того времени. Я согласился, и общий разговор потёк.

Много чего роилось в наших молодых головах. Кроме того, рядом сидел человек, в наши годы отдавший свой самый трудный долг. И мы, курсанты лётного училища, немного рисовались, ждали его оценок нашей удали и будущим успехам. С удовольствием рассуждали о долге, смысле и тому подобном. После тоста за здоровье фронтовиков, я попросил нового знакомого рассказать про войну. И он не обиделся:

...Была грязная, военная весна. От пустякового ранения ногу неимоверно раздуло. Я валялся в холодной крестьянской избе под присмотром детишек и стариков. В бреду, потрескавшимися губами, просил у деда оружие. В трёх домах, составлявших деревню, нашлась лишь граната без взрывателя. А немцы уже подъезжали. Они тащились на двух мотоциклах по раскисшей снежной целине. Кто-то сообщил обо мне. Кто? В деревне чужих нет. Если фрицы меня найдут – всем конец. Надо уходить. Но как? На ногу не встать. Старики с детьми ушли в сарай, в подпол. Я встал за угол дома, за поленницу. Решил: если немцы пойдут к сараю – возьму на себя. Как? Ну, крикну, махну гранатой. И всё...

Они наконец дотащились. Это были не фашисты, не каратели. Немцы. Им явно не хотелось. Кое-как заглянули в дома, и пошли, как мне показалось, к сараю... Всё. Надо шуметь, кричать. Нога совсем онемела. Я опёрся на неё и не чувствовал. По спине покатился холодный, колючий пот. Одежда вдруг стала чужой и огромной. Оттолкнувшись рукой от поленницы, я шагнул и закричал: « Гады, трусы, стоять!» Но, видимо, последние силы оставили меня или от горячки пропал голос, и губы шевелились беззвучно. Тогда я бросил гранату. Однако, и она не произвела шума, а я, потерял равновесие, и нелепо дёрнувшись, упал в грязную, снежную слякоть, плашмя. Последний немец обернулся, и ничего не увидел из-за сугроба. Наверное решил, что сорвалось сосулька или снег с крыши. И они пошли опять. К мотоциклам они шли. Однако об этом я узнал позже. От деда.

Когда я очнулся, и нашёл себя живым, – стало ужасно стыдно за свой несостоявшийся поступок. Я понимаю. Не должно быть стыдно от того, что меня не убили, и я никого не предал. Но непонятная совесть продолжает мучить меня. Будто я остался жить нечестно, в обход каких-то правил... Да и есть ли они на войне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.